

Зубаревич. Добрый день коллеги, в чем-то я немножко повторяюсь по фактуре, но основной набор более широкий, потому что меня попросили подойти более концептуально к той тематике, которая заявлена в начале. Четыре базовых вопроса: вообще как развивается пространство, и в чем специфика России, какая в России региональная политика и вообще есть ли она, какой новый кризис и его пространственная проекция и абсолютно другой кусок – это как развиваются города и помогает ли их развитию региональная политика. Ещё раз говорю, что некоторые слайды будут повторяться, но контекст гораздо более широкий. Я начну с теории, потому что я полагала, молодянку буду читать, а тут собрались такие солидные люди. Я напомним, что в моей профессии тоже есть теория, эта теория нас учила, как работают факторы размещения, разные модели, я здесь их перечислила. Это немножко есть и в экономике (но очень немножко), есть в моей профессии – экономической географии. Но суть в том, что сначала это были просто теории, основанные на эффектах физических: масса и расстояние. Потом это начались эффекты, учитывающие факторы какие-то, когда начинает работать кумулятивный эффект преимуществ, теории диффузионистские, это диффузионистские теории показывают, как из тех мест, где родилась инновация, она начинает распространяться в пространстве. Потом это были центр-периферийные теории, как доминирующие, которые говорили, что всегда есть центр и периферия, живой зоной являются пространство между ними, но они все пытались как-то объяснить пространственную неравномерность развития. И вот последние, до новой экономической географии – это кластерные теории Портера, которые Россия полюбила несколько позже остальных, и порой, с упорством достойного лучшего применения, всячески их копирует, не обращая внимания на реальную жизнь. Но суть очень простая, пространство - это место, которое вообще никогда не развивается равномерно. Поэтому, когда я увидела в первый раз в стратегии Свердловской области три агломерации, без выделения кто из них круче, и северная агломерация, где Североуральск, Краснотурьинск (веселая компания) – только руками развела. Но вроде бы убрали немножко. Мы должны понимать, что, когда мы решаем задачу пространственного развития, у нас всегда есть два вызова: первый вызов – не допускать какого-то безумного территориального неравенства. Тогда мы должны работать в направлении равенства, и в тоже время не допускать того, чтобы выравнивающие компоненты заглушили ростки территории с более высоким набором конкурентных преимуществ, тогда мы боремся за эффективность. И вся наша жизнь – это хождение по этой кривой в поиске точки оптимума, потому что оба компонента политики должны присутствовать.

Но свое внимание я бы хотела сосредоточить на уже «мохнатой» (она сформировалась в шестидесятые-в семидесятые как уже доминирующее понимание пространственного развития) центр-периферийной модели. Что она из себя представляет, вы видите: центр собирает все ресурсы с периферии. Нравится нам или не нравится, но это функция центра. Человеческий, финансовый, прочее. Центр рождает какие-то инновации благодаря концентрации ресурсов, и дальше начинается вторая составляющая этого движения, он их транслирует на периферию. И рядом с центром есть живая очень зона – полу-периферия, которая при изменении условий развития, это важно, при изменении каких-то условий развития (это могут технологические условия, политические, все что угодно), она способна перехватить функции центра и стать новым центром. Но только при каком-то серьезном изменении. Как большевики сказали, что они перенесли столицу в Москву, вот это изменение политическое, которая начало создавать дополнительные ресурсы для развития Москвы.

Не бывает периферий, выстреливших в космос, потому что там очень малая ресурсная обеспеченность. В чем специфика России – в этой центр-периферийной конструкции она очень простая: у нас очень сильное центр-периферийное неравенство. И это неравенство не только между регионами (оно сейчас довольно велико, но мы к нему привыкаем, оно не так давно стало

таким сильным), а вот внутри региональное неравенство у нас огромно исторически. Огромное, давнее, мы к нему привыкли, мы его часто не замечаем.

Вторая причина, почему у нас такие разрывы – у нас слабо развитые инфраструктуры, у нас очень высокое экономическое расстояние. Но это проклятие территории, проклятие масштаба страны.

Ну, хоть застрелись, мы не можем, у нас нет ресурсов, чтобы обеспечить всю территорию адекватной инфраструктурой. Но это смесь гордости и проклятия. Мы все гордимся, какая у нас огромная территория, но это – фактор замедления нашего развития, это надо понимать.

И третье, абсолютно институциональный фактор, помимо того, что естественным образом ресурсы стягиваются в центр, чтобы потом что-то там произвести в виде инноваций и двинуть их на периферию, у нас с вами центральная функция гипертрофирована, потому что в России исторически сложился очень мощный институт сверхцентрализации. У нас все в центре, все абсолютно. Это не сейчас родилось, и в разные исторические эпохи, с упорством, достойным лучшего применения, эта наша колея воспроизводится, и пока мы не начнем ремонтировать этот институт, у нас будут долго большие проблемы. Результатом того, что мы имеем, нашей специфики является очень медленная диффузия инноваций из центра на периферию. Последняя теория, которая уже много раз проговорена, но я ее просто коротко повторяю: это новая экономическая география, рожденная в девяностых, не у нас, в среде экономистов, (то есть не географы и не россияне) – это ведущий специалист Венейблс. Что она говорит, в самом простом изложении: есть факторы первой природы, которые от нас не зависят – это ресурсы под ногами, это наше географическое положение, которое, конечно, с историческим временем может меняться. Это правда. И есть факторы второй природы, которые мы создаем своими руками, такие как общество, как человеческое сообщество прежде всего, но и как элементы власти (это наши агломерации, которые важны, я к ним потом перейду), двумя эффектами. Все говорят про эффект масштаба, а второй, и не менее важный момент агломерационного развития – это разнообразие. Только вместе, потому что у нас эффект масштаба есть и в промышленности, эффект масштаба – это и моногорода. Там эффект масштаба, там нет второй компоненты – разнообразия. Второе – это человеческий капитал, тут все понятно, как учим, как лечим, как социализируем. Третье – это институты, нормы и правила по Нортю. И четвертое, я нагло добавила сюда в конец, потому что у Кругмана этого нет – это наша инфраструктура. И процесс модернизации (нехорошее слово, уже забытое) – тем не менее, все равно же придется им идти. Он состоит в том, что от факторов первой природы мы двигаемся к факторам второй. Очень короткая, которая показывает степень концентрации всего и вся в нашем главном центре. И вот здесь внизу вы видите долю Москвы и Питера по численности населения, а выше, в столбиках, долю в остальных индикаторах за последние два – три года. Но все же понятно, у нас неадекватная, высокая концентрация.

ВРП может быть, в Буэнос-Айресе тоже высокая концентрация, но, когда вы смотрите то, что ещё обусловлено институциональной концентрацией: внешняя торговля – чудовищный индикатор, элементы, связанные с доходами бюджета. Сейчас меньше, было больше (до 20 процентов). И сравните с Санкт Петербургом: разница в населении в два с половиной раза в концентрации основных экономических действий, она гораздо более многократна. То есть мы живем в стране, в которой, помимо нормального агломерационного эффекта, работает фактор и институциональной концентрации, который зовется «столичный фактор». Столичный, институт столичности, который в России крайне гипертрофирован. Опять же, поскольку я предполагала, что буду выступать перед молодежью, здесь какие-то совершенно простые вещи, объясняющие, какая мы страна. Мы – страна достаточно монотонная. Это мы себе льстим, говоря, что у нас огромные неравенства, наше огромное неравенство, вы видите, что они по краям, а большая часть регионов России имеет

очень похожие экономические показатели. Поэтому, когда мы работаем в проектом подходе, в аналитическом подходе, мы должны очень четко, отдельно работать с краями – а дальше начинается гораздо более институционально понятная работа с основным массивом российских регионов. И вы можете посмотреть, что Свердловская область находится в первой примерно десятке-дюжине, но это на уровне ста процентов Российского, с корректировкой, сейчас не помню. Как живет наше население тоже моя старая картинка. Примерно 11 процентов живет в богатых регионах. Ещё 18, и Свердловская область здесь, в относительно развитых. 10-11 процентов, но по разным годам – в слабо развитых, но проблема нашей страны, что та, что эта, вот смотрите, ключевая проблема: у нас огромное количество регионов, больше двух третей, и огромное количество населения, почти две трети – живут в территориях, где неявны конкурентные преимущества. Стакан полупустой или наполовину полный. С этим трудно работать. Для того, чтобы эти конкурентные преимущества стали более видны, у вас должны быть хорошие институты, чтобы они вытаскивались, а не барьерами придавливались вниз. Поэтому, пока у нас не улучшатся институты (вот эти вот две трети, ни два, ни полтора, не понятно), они будут тянуть страну очень медленно развиваться. Это объективная, пространственная проблема и поэтому только улучшения институтов в ситуации, когда у двух третей территорий населения нет понятных драйверов развития – это важнейшее.

Теперь какие бывают неравенства и чего мы добились. Вот здесь много что предлагалось сделать, я бы сказала довольно крамольную мысль, просто исходя из логики вот этого противоречия равенство-эффективность. Экономические неравенства нормальны, они всегда естественны. Экономические неравенства – это означает, что те, кто имеет конкурентное преимущество – развивается быстрее, те, у кого их нет – медленнее. Да, есть понятие меры, да, есть некое понятие рисков, но в целом экономическая неравномерность – нормальна. А вот с социальным неравенством надо разбираться, потому что там очень чувствительная политическая мера. До каких масштабов она может развиваться? И здесь второе, когда у вас социальное неравенство очень высокое, то собственно у вас нет средств на воспроизводство человеческого капитала. Что это означает? Заводы в поселок городского типа «Пупкинский» сажать не надо, чтобы обеспечить занятость у людей. А вот доступ детям «Пупкинского» поселка к школе и здравоохранению должен быть. Пока мы идем немножко по-другому. Декларируем, что везде построим заводы, и тихо, по факту, рубим доступ к школам и больницам, мы делаем, в общем, наоборот, потому что у нас нет денег на бюджет.

Социальное выравнивание крайне важно. Я всегда своим студентам объясняю, они у меня не экстремисты, в МГУ народ тихий, но когда я слышала пару раз лозунги «Хватит кормить Кавказ», я им объясняю, если вы не будете кормить Кавказ, вам потом придется гораздо больше денег отстегивать на то, на что мы сейчас отстегиваем. Воспроизводство человеческого капитала на слабых территориях – это наша задача.

Теперь я иду дальше, вот мы, главный инструмент работы в большой и разнообразной стране – это главный инструмент, это то, что мы называем межбюджетными отношениями. Почему в России никак не получается бюджетный федерализм? Ну давайте смотреть, во-первых, российские регионы различаются по налоговому потенциалу, тот кто сегодня говорил: «давайте дадим пятьдесят на пятьдесят», я сейчас вам покажу, что будет, если дать 50\50 налогов. Вам сильно не понравится, честное слово. Вот это данность, это объективность. Мы – страна с очень сильным неравенством налогового потенциала, это так, и это будет долго, вот с этим придется работать, потому что конкурентные преимущества, я их выше перечислила, локализованы. Второе, у нас рента, мы страна, которая живет на нефтяную ренту. Сейчас она в очень большой степени централизуется. И это правильно. Сырьевая рента не должна оставаться в регионах. Потому что регионам нефтяной промышленности – там создавали все, а не только жители этого

региона. Но, если она централизуется, она создаст большое государство, перераспределительное государство. И значит что? Значит, основная задача в ситуации рентной экономики – это борьба за модернизацию перераспределительных институтов. Ну, вот понимаете, мы с этим живем, вот мы рыжие, у нас рента. Перекраситься в черных, белых - не получится. Значит, мы должны причесывать свои рыжие волосы. Перераспределение в современной России абсолютно не прозрачные, я немножко показывала. Мы живем в ситуации, когда лоббизм становится основным механизмом, я отвечаю за слова, я цифры покажу, основным механизмом получения денег. И мы живем в стране, где очень быстро растут геополитические приоритеты власти. Второе ещё интереснее, если вы посмотрите, как внутри субъектов федерации, распределяются деньги между муниципалитетами, я не буду трогать регион присутствия, но много чего интересного могу рассказать, как это делалось в Челябинской области. Я думаю, многие это знают. В бытность, сейчас не знаю, в бытность господина Юревича, губернатора, я просто на картинках могу показать, как были муниципалитеты, которые вообще не получали инвестиционных денег. Ни за что и никогда. Были, которым наваливали лопаткой. И вот ровно так в очень многих регионах. Давайте начнем с простых вещей. В чем мы живем, потому что, когда я слушаю эти добрые слова о том, как мы все улучшим и углубим, я начинаю немножко переживать, потому что, если ты не знаешь проблему до цифр, то тогда это уже такие благие пожелания. Пункт первый, тринадцатый год, на что мы живем – я просто показываю, думаю, все знают, свыше половины доходов бюджетов Российской Федерации – это нефтегазовые деньги. Как они формируются. Это четырнадцатый год. Это тринадцатый год, он «покарасившее», я его оставила. Вот посмотрите, вы говорили, за счет кого живет федеральный бюджет. Да не за счет вас, вы меня извините. Бюджет федеральный живет: на двадцать восемь процентов за счет Ханты-мансийского, на 16 – 14, было 18, за счет Москвы, на 10 за счет Ямала и на 5 за счет Питера. Это означает, что на три с половиной субъекта, на четыре, приходится почти 60 процентов налоговых доходов федерального бюджета. Вот, кто кормильцы федерального бюджета. Как вы видите, Свердловской области там просто не стояло в этом списке, потому что вы не нефтяная территория. Основных налогов два: это НДС, все знают, и НДС. Вот мы так устроены и все разговоры о налоговой децентрализации, они означают за счет кого, кому мы денежку будем больше давать? Следующая картинка. Вы говорите, что центр забирает налоги все у регионов, нате вам, пожалуйста, 13ый год, могу показать за 14ый, у меня за каждый год есть. Вот видите, красное – это сколько остается региону. На дальнем востоке, Тыва вообще практически ничего не отчисляет. У меня есть и по 14му году. Кто кормит, у кого остается мало собранных на территории налогов. Видите? Ханты, Ямал. Тюменская – нормальная. Бедные Томичи где-то затесались, которых раздевают как липку. Вот как мы устроены, а вы на себя, пожалуйста, гляньте, у вас на территории остается 75 процентов собранных налогов. Хотите 50 на 50? Пожалуйста, если нравится. Вот давайте не будем кидать лозунги, давайте посмотрим, как мы реально устроены. Страна с колоссальной неравномерностью конкурентных преимуществ, может выравниваться 50 на 50 только в том случае, если мы отдадим назад чертовую тучу денег, собранных у крупнейших нефтегазовых регионов, богатые станут ещё богаче. Это проблема, с ней действительно сложно что-то сделать, но ее хотя бы надо держать в голове. Второе, как мы, ну я могу сказать, что с ней можно сделать. Когда мы перейдем от пошлин к НДС, там немножко поменяется картинка, у регионов отберут ещё больше. Когда мы обсуждаем налог на прибыль, отдайте регионам два процентных пункта налога на прибыль, и тут Свердловской области немножко добавится. То есть всем, кто немного развит и жив, им добавится, и это правильное решение. Теперь смотрите про наш трансферт, какая у нас перераспределительная политика, в чем она устроена. Показываю на картинке: светло-зеленый – это доходы бюджетов, консолидированных бюджетов регионов, темно-зеленый – это федеральные трансферты. Вы видите, когда были пики,

пики в рублях, а пик в долях был в кризис девятого года. Я уже сегодня говорила, второй раз так не будет. Второй раз так уже не будет. Деньгами не зальют, кричи, не кричи. Что мы имеем, вот давайте посмотрим на структуру наших налогов. Да, действительно сейчас главный наш налог – это НДФЛ. Не везде, в Сахалине, в Ненцах, в Хантах, в Оренбурге, ещё пока налог на прибыль, хотя там очень большие проценты. Вот, все песни про развитие малого предпринимательства, вот посмотрите, пожалуйста, налог на совокупный доход, розовенький такой. Давайте не будем закладывать, как основа антикризисного выживания бюджетов регионов, ну смешно же. 3,7 %. Вот понимаете, когда у нас идет словесный понос, этих стратегий планов выхода, ну мы хотя бы пропорции должны понимать. Ключевая штука – что будет с НДФЛ-ом. А он расти будет очень слабо, потому что мы не будем сейчас повышать зарплаты. Дальше, что будет расти? Да на имущество будет расти. Кто в бизнесе, ставки будут повышать. Готовьтесь. Потому что источников особо нет. По прибыли сейчас было очень хорошо, но будет, если вопросы – потом скажу, как мы прошли, я сейчас 8 месяцев посчитала 15-го, по прибыли все очень неплохо. Только эта прибыль, в очень большой степени – переплаты, потому что платили по итогам 14-го в 15-ом, по расчетам итогов 14-го. Вот мы страна, где есть немаленький кусок (серенькое, вы видите) – это те, кто живет на трансферты. Середина самая такая многочисленная. Теперь то, что я вам уже показывала. Но теперь вы это видите лучше, можете полюбоваться. Тринадцатый год я оставила, потому что он был абсолютно разнузданный, в четырнадцатом уже начало немножко покусывать, так уже лопатой не швыряли. И вы видите, вот синенькая доля, кто может мне объяснить, почему несчастной Камчатке вот так много дали? Знаете, почему? А там подстроили коэффициент удорожания индекс-бюджетных расходов. Но чтобы вам было веселее и понятнее, есть такое место чудное – Чукотка, я его очень люблю, Чукотка во времена Абрамовича нарастила доходы бюджета с трех миллиардов до семнадцати за два или три года, потому что туда были посажены по прописке все трейдеры Сибнефти. Ребята делились, правильно работали. Вот так разнесли бюджет Чукотки, а потом Абрамович продал Сибнефть, и оттуда трейдеры ушли. И весь этот рост финансировал федеральный бюджет в виде трансфертов. Но видимо не хватило, поэтому с 14-го года теперь у нас коэффициент удорожания индекс-бюджетных расходов для Чукотки составляет не семь раз, при единице в среднем по России, а решили, что правильно будет тринадцать. Чтобы жизнь уже казалась не просто медом, а тортом намазанным сгущенкой. Тринадцать, то есть это означает, что вам удвоят все трансферты, потому что вы же с 13-го по 14-ый год взяли и удорожались в два раза. Кто не понял, рядом Магадан не шибко лучше – 4,6, а Чукотка – 13. Вот как мы работаем.

Вам я уже показала вас. Вам нет трансферта на выравнивание, у вас очень мало всего остального, но честно скажу, хотя бы вам подвалило немножко иных межбюджетных. По 14-му посмотрите у меня на сайте и там дальше есть. Вот это я тоже показывала, мы выровнялись, скажите, пожалуйста, это честно? Вот это честно, что Свердловская область, которая дает не маленькие, в общем, деньги в федеральный бюджет, «подушровке» имеет доходы бюджета хуже, чем Ингушетия с Чечней? Это не честно, и мы это понимаем, но мы все это кушаем, потому что так устроены наши институты. Вы видите это выравнивание. Показываю дальше. Что нам реально удалось. Я вам показала социальное выравнивание, так вот мы с вами чемпионы нефтяных рент, мы умудрились начать и экономического выравнивание, с того момента, как рента поперла вверх. Вот с 2005 года у нас перестала расти неравенство регионов по ВРП и оно мягко, мягко снижалось все последние годы. Не буду комментировать остальное, вы видите, что по инвестиционным вещам примерно также. Мы, на мой взгляд, перевыравнивались, вот просто перевыравнивались, на таких шальных нефтяных деньгах. По социалке я вам это показывала, все легли на дно, но здесь я продолжаю считать, что это было правильно. Я продолжаю считать, что доступ к образованию, здравоохранению должен быть выше. Другое дело, что и вы, и я понимаем, как в Чечне

расходуются деньги. И там, как со счетной палатой большая напряженка. И не только в Чечне. Если вы думаете, что в Калмыкии намного лучше – уверяю вас, это не совсем так. То есть, у нас нет, если мы много даем, федералы говорят: «Мы будем много контролировать». Ну, так и контролируйте, пожалуйста. Но как-то все больше разговоры.

И вот то, что я вам тоже показывала. Три приоритета. Стимулирование мы уже обсудили, я к нему ещё вернусь. И вот, то же самое противоречие. Дальний восток действительно дорог, дорог в эксплуатации, дорог во всем, в том числе бюджетных расходов. Ну на что мы будем в основном денежку тратить, на поддержку ЖКХ, на доплату к зарплатам? Мы как-то озвучили свои приоритеты, как-то решили на что, мы там людей закрепляем к территории, ведь нет же внятного обсуждения. Мы считаем, что это не рационально, мы считаем, что если есть опорная сеть: город и связующие между ними магистральные, полимагистрали – вот эта территория держится. В приемлемых зонах ещё аграрная занятость, точно, где надо – это отчасти вахты, это сырьевые какие-то вещи. Но жизнь складывается иначе. По Крыму я ничего комментировать не буду, могу сказать, правда, с некоторым удовлетворением, что в этом году Крым получить немного меньше. И тут ещё семь процентов, ещё потому что в прошлом году все валили через бюджет. В этом году, за год, он получит столько, сколько он получил за прошлый год за девять месяцев. Они денег даже этих не смогли потратить, у них профицит был 13,5 миллиардов. Что значит: вот у нас три приоритета и риски я вам показала. Выравнивающий геополитический самый затратный. Мы как-то это обсуждаем? Нет. У нас теперь появились темы, запрещенные для обсуждения. Для меня таких тем нет, потому что все имеет свою цену. Да мы будем вот так же, как выравнивали, выравнивать, да мы будем делать ещё большие геополитические акценты. А у нас на развитие то не останется. Значит, это наше решение, значит страна, ее руководство приняли такое решение. Я с ним не согласна, но мой голос видимо утонет в другом хоре.

Теперь, как это делают другие. Давайте, как нам сегодня было сказано, будем себя соотносить. И так, два вектора региональной политики. В развивающихся странах, действительно нацеленность на развитие зон роста, точек роста. Это очень разные объекты. У тех же китайцев, когда они шли в слабо освоенный Синьцзян-Уйгур, с чего они начинали? Урунчук, крупные города, стыковочные места, где в дороге пересекаются, строительство новых дорог соединяющих центр, абсолютно осознанная политика. Но ещё они могут гнать много ханьцев в западном направлении, на поселение, у них есть такие ресурсы в развитых странах. Но начиналось все это с восточной зоны, с активизации конкурентных преимуществ Приморского положения. И тогда неравенство очень сильно росло, очень сильно. Так во всем мире, в развивающихся странах пытаются догонять, там, где есть конкурентное преимущество.

Развитые страны – конечно уже стратегия выравнивания, вот этот вот тихая осень Европы, когда уже уровень развития высокий, уже пора подумать о ценностях, о вечном. Я немножко утрирую, но там действительно это ментально, ценностно важно. Мы этого не понимаем, очень цинично, но там это важно, это правда. И тогда начинается сначала просто тупое перераспределение в рамках структурных фондов Евросоюза в менее развитых территориях. Потом, когда увидели, что толку-то мало, начинают комбинировать. Это в 2004-2005 годах политика поменялась, когда на этих худших территориях, ровно как Урунчи, начинают стимулировать, прежде всего, территории либо с местной инициативой (это ресурс), либо с конкурентными преимуществами местоположения (это ресурс), либо лучше – с концентрацией мозгов и так далее. То есть эта политика перестала быть просто раздачей супа, а пытается немножко и стимулировать активизацию внутренних ресурсов.

Сравнивайте с нами, мы как, мы страна развитая? Кому как нравится, но я б сформулировала вежливо. При нашем уровне экономического развития та мера выравнивания, которую мы имеем, очень затратная и она была возможна только в условиях очень большой нефтегазовой ренты.

Сейчас картинка будет меняться.

Второе, мы страна догоняющего развития? Тогда где наши амбиции, чтобы стимулировать территории с конкурентными преимуществами. Говорить, мы об этом говорим, амбиций особо нет. Вот китайцы, чтобы мы почувствовали разницу. Сегодня я была, мне так было интересно сегодня слушать доклады про Китай, ребята начинали с этого, посмотрите, какая экономическая концентрация на побережье. И как только появляются в больших, относительно, городах центры концентрации экономики внутри страны. А сейчас это уже совершенно другая стадия. Они быстро идут. Мы любуемся на свой пупок великодержавный, а они вот так вот двигаются. Хотя они тоже нация, которая имеет огромную историю, очень сильные ощущения себя великих, но они как-то действуют по-другому. Посмотрите потоки мигрантов у Китая, скажите, они сельские, правда, сельское население, первый период урбанизации, это все достаточно легко. Россия в начале 20-го века, в конце 19-го, и даже до второй мировой войны ехала также. Сейчас уже ресурсов просто нет, но они-то свой ресурс используют по максимуму. Вот посмотрите на европейцев, удастся ли им выравнять. Старые мои картинки, не мои вернее, со ссылкой – это Филипп Мартин, его расчеты. Но вот посмотрите, что у европейцев получается? У европейцев не происходит выравнивание на региональном уровне, в результате их выравнивающей политики, у них происходит дифференциация на региональном уровне. А национальный уровень у них поддерживается, как бы нет растущего. То есть, попробую выразиться менее косноязычно. Если вы хотите, чтобы ваша страна, вошедшая в Евросоюз позже (а это вот разговор про Грецию, про Ирландию, ещё не было восточной Европы), то вы делаете ставку на самые конкурентоспособные регионы вашей страны, потому что именно за счет этих регионов страна начинает бежать быстрее и догонять. При этом, есть второй вариант социальной политики, как она делается. Вот посмотрите, как снизился коэффициент вариации доходов нац 2 – это регионы классификации Евросоюза, но, чтобы было понятно, это примерно как наш субъект федерации, вот примерно такой масштаб относительно страны. И вы видите, как сокращается неравенство. Почему? А у них не было специальной региональной политики в той мере, как мы бы ожидали. Французы – это вот здесь – они сделали другое: они таргетировали свою социальную политику, они стали поддерживать низкодоходные группы населения. А низкодоходные группы концентрируются в менее развитых регионах. За счет этого они снизили неравенство по доходу. Можем мы перейти к этой политике? Это большой вопрос. Мы сейчас заявляем адресную соц. политику, только извините, она включает в себя администрирование доходов. Мы готовы, наше население, чтобы к нам ходили холодильник проверяли? Как-то не очень, поэтому посмотрим, что получится. У нас есть очень серьезный барьер повышения эффективности дохода. Вот это длинные тренды, я об этом уже сказала. Вот те барьеры, те движения, которые у нас произошли.

Второй мой блок – это про кризис. Но я ещё раз повторю, что этот кризис другой. Он не трансформационный в той мере, как был в начале 90-ых. Хотя честно должна сказать, Сергей Александрович, если умирает одна модель роста и не рождается вторая, трансформация?

Афонцев. Стагнация

Зубаревич. Сначала стагнация, но не трансформация пока, да?

Афонцев. Вообще не трансформация

Зубаревич. Все, трансформации вообще нет, а в 90-ых она была, мы переходили от плана к рынку. Я просто не знаю, каким словом это назвать. Наверное, стагнация пока, потому модель перестала работать. Второе, это начиналось все не как глобальный кризис, это все про нас родных. Там родные осины, никаких пальм и кипарисов. Это все наше. Третье, этот кризис не глобальный, это

кризис ещё начинается за счет внутренних факторов: не с обвала, а со стагнации. Потом следует усиление кризиса и сейчас New normal так называемый, новая стагнация. У нее и динамика совершенно другая. А вот так, потом так, и сейчас так, а что дальше мы не понимаем.

Афонцев. Это обвал, нет рецессии.

Зубаревич. Обвал, это рецессия, стагнация, я показываю для не сильно нервных, а это он дальше. Хорошо покажу картинку, я ее сегодня показывала. Сейчас с мая лежим, ровненько. Теперь ещё моя картинка. Посмотрите, пожалуйста, какие темпы у нас: медленные, на фоне всех. Никаких 11 процентов промышленного спада. Медленно доползли по обрабатывающей до минус семи, в целом по промышленности меньше пяти. Доходы, вот на пике июльском – они падали до шести процентов. Но это не 26, не 54. Кризис другой, поэтому у меня к нему отношение другое, вот люди точно адаптируются. И недовольство будет кухонным. И люди будут понимать, мы жертвы в кругу врагов. А это означает, когда вы не понимаете природу кризиса, и тешите себя надеждой, что нефть через два года пойдет вверх и все будет хорошо, это значит, стране не останется ни институтов, ни людей драйверов, которые будут менять тупиковую ситуацию. Вот это важно. Теперь географическая проекция. Смотрите, я даже не комментирую, вот здесь все видно. Смотри, как хорошо жить высоко дотационным регионам, кризис девятого года, когда им подсыпают деньги лопатой. Так вот, уже сейчас перестали подсыпать, трансферты дальнему востоку к пятнадцатому году немного сократились. Трансферты Чечне, Ингушетии в 11-ом, 12-ом сократились, в 13-ом, 14-ом почти не росли. Лопатка немножко оскудела. Поэтому, как они себя поведут, я пока до конца года потерплю, говорить не буду. Но совершенно понятно, что регионы автопрома – в тяжелейшем положении, вагоностроительные территории – в тяжелейшем положении, и все полу депрессивное машиностроительное – тоже. Я здесь опять не добавила ВПК, хотя могу сказать, что, судя по политике наших властей, почти до выборов 18-го года, ВПК финансироваться будет. И, пожалуй, осознание, что уже пора сокращать, произойдет, наверное, и не только, когда истощится резервный фонд, поправьте меня господа макроэкономисты - я думаю, когда пройдут президентские выборы. Я могу ошибаться. Теперь смотрите, я назвала вам острые проблемы еще на своем коротком выступлении. Сейчас их буду показывать. Вот как мы выглядим по долгам. Это я тоже вам показывала, но вот сейчас я хочу более детально показать кризис, как он шел. Ну, Сергей Александрович, стагнация. С мая, разве нет? Как обзовете?

Афонцев. Дело в том, что слишком краткосрочный период, чтобы...

Зубаревич. Верю, но рост начался...

Афонцев. По году рецессия.

Зубаревич. По году рецессия, без сомнения. Пока вот, с мая по сентябрь, нам правда в сентябре сказали, что мы...

Афонцев. Нет, ещё в августе сказали...

Зубаревич. Нет, первое мне сказали в апреле, когда я должна была выступать перед высоким начальством. Мау проедал мне плешь, Наталья Васильевна, вам не кажется, что кризис закончился? Нет, не кажется. Но мне дико повезло, я выступала 22-го или 21-го мая, а статистика по апрелю пришла 19-го или 20-го, я за ночь в табличку вставила. Смотрите, вот я вам обещала: 13-ый к 14-ому, простите, 14-ый к 13-ому, 13-ый к 12-му. Вы можете разглядеть, вот два года, посмотрите, сколько уже в зеленой зоне, как лежит дальний восток, как лежит Сибирь в значительной мере. С 14-го года явно медленно началась ухудшаться ситуация на Урале.

Свердловская область вот пока была более-менее ничего, это «военка» пошла. Посмотрите, как посыпался северо-запад. И все прекрасно было только на северном Кавказе. Вот картинка, которую я вам тоже показывала, здесь вам виднее, посмотрите на Свердловскую область. У вас там написано в стратегии, дорастить долю Свердловской области к 30-му году в инвестициях в основной капитал до трех процентов. Смотрим 2, 3. Ну, недолго мучиться. Догнать 0,7 в принципе, наверное, можно. Хороший показатель. Особенно если нефти будут меньше добывать, так делается на автомате. Ну, меньше, у нас же основные инвестиции видите куда, Тюменская область с округами. С нефтью. Доля остальных регионов. Очень удобный хороший показатель. Идем дальше. Где искать точки роста, вот здесь я хотела бы, я извинилась, что у меня будут повторы, но я не могу на одну тему делать совершенно разные презентации, я бы сказала так, мне очень не нравятся федеральные большие проекты по результату. Я согласна, что на свою страну, на ее население, они производят большое впечатление. Жители Владивостока очень довольны, правда. Это правда. После Сочи все россияне были очень довольны. Я потом стала пытаться, на чьих деньгах сидит финансирование этих объектов. Краснодару начали подкидывать тихо-мирно. Ему идут трансферты под названием, кто тут бюджетники, они все это знают, иные межбюджетные трансферты. Это уж вообще никак, ни по каким формулам – договорились и получили. Татарстан, глубоко мною уважаемый, он умнее Краснодарского края. Он перевел спортивные объекты в федеральную собственность, а оставил в своей собственности только то, что как-то может генерировать доход. Гостиницы, рыночную инфраструктуру – а вот с аренами разбирайтесь у себя с федеральным бюджетом. У него это получилось. Наученные горьким опытом федералы, второй раз, видимо по Сочи-то, там масштабы просто были другие.

Что будет дальше. Я думаю, что система стимулирования за счет льгот в России будет расширяться. Вы видели, что к территориям опережающего развития добавилось, что вы знаете сейчас режим свободного порта. Это четырнадцать муниципалитетов из шестнадцати приморского края. Сейчас лоббируют этот режим Камчатка, Магадан, Хабаровский край. Тоже далеко не только прибрежные территории. Я за любые льготы, это абсолютно не рыночный, не экономический подход, но когда у меня с одной стороны программа развития дальнего востока и Прибайкалья в 600 с чем-то миллиардов рублей, из которых 300 миллиардов получила РЖД на развитие подъездных путей, а с другой стороны льготы – лучше льготы давайте. Потому что в этих льготах есть шанс чему-то вырасти. А вот если так, то только РЖД и ничего другого. Когда я узнала, что расширяют БАМ, потому что ему не хватает проездной мощности, две добавки. Добавка номер раз, знаете, сколько поездов проходит по БАМу, вот в том виде, в каком он создан? Двенадцать пар в сутки. Нравится? 12 пар в сутки! Это что, имеет отношение к экономике? Это чисто геополитический проект. Знаете ли вы, какой структура провоза по Транссибу, которому не хватает провозных мощностей? 60 % перевозок по Транссибу – это уголь. Как только Китай ввел дополнительную пошлину на серу в угле, Кузбасс начал ускорять сокращение экспорта, потому что ему не выгодно. Может мы как-то поддержим Кузбасс, а не будем столько вбухивать в БАМ. Ну давайте это хотя бы обсудим публично, я понимаю, что трудно, но расширение БАМа стоит двух годовых бюджетов, или трех того же Кузбасса. Нет, тишина, мы не можем работать в таких форматах. Мы говорим только о национальной безопасности. Хотя у любого решения, всегда есть несколько путей.

Что делается в кризис, я ещё раз повторю, меня это заставили написать, когда я высокому начальству что-то говорила. Я всегда кричу про риски. Вот написала, вот чем больше в Свердловской области будет разговор не о выдуманных... Когда я прочла про глобальный город Екатеринбург, я постеснялась на большую аудиторию так сказать. Ребята, а может, замахиваться так не будем? У нас недоглобальные города, недоглобальные Москва и Санкт-Петербург, у них ещё нет элементов, которые полностью характеризуют глобальные города, в чем-то да, в чем-то

нет. Потом вы же расти не будете, а там за спиной дышат мегаполисы стран догоняющего развития, которые прут просто. Хотя бы в количественно выражении. Давайте мы не будем говорить, что порт Екатеринбурга – это мировой Хаб. Давайте, мы поймем, что это макрорегиональный Хаб. Трезвое ощущение своих конкурентных преимуществ очень важно. Это никак нас не унижает, это просто дает правильную основу для дальнейшего составления стратегии. Я, конечно, понимаю, что мы великая страна, с великой историей, но я бы укоротила все наше величие и повернула голову в сторону здравого смысла. Мы – страна со стареющим населением, с нас ожидающей депопуляции рабочей силы, лиц трудоспособного возраста, мы страна с непонятной перспективой нефтянки. Давайте ж себе об этом скажем. И с очень сложной региональной проблематикой, которая главная - институциональная, не ресурсы, не неравенство. Плохие институты. Что у нас есть, какие конкурентоспособные экспортные преимущества – я тут не специалист, но я знаю, что по динамике сейчас пока идет лучше химия. Я знаю, что идет лучше АПК. Давайте щупать там, за счет чего, почему. Metallургия сейчас пойдет вниз, как отче наш, вы все видели глобальные цены как гуляют, что черная, что цветная. Медь, никель, свинец – все. Цикл пошел плохой, и он может быть долгим. Какое мы возьмём импортозамещение, наверное, не торгуемые товары будут тут, какие-то варианты услуг, прежде всего услуги. Импортозамещение в услугах, в том виде как мы его наблюдаем: ребята, вы не поехали в Египет, значит все, куда там нам сказали, в Крым, Подмосковье, что ещё предложат в качестве альтернативы?

Афонцев. Ваши любимые курорты северного Кавказа

Зубаревич. А то, а все поехали на курорты Пумпянского, он же его построил, ваш человек, но он, правда, продал уже все это, курорты северного Кавказа, а как на счет уральского патриотизма? Адекватность должна быть в этих вещах. Люди все равно, конечно, за массовый отдых на юге, мы северная страна. Ведь часть ликования по поводу Крыма, связана с тем, что ещё одно теплое место появилось на карте родины, чтоб вы дальше про это не думали, я не влезаю ни в какую политику. Ещё одно теплое место появилось на карте родины. Страна холодная, северная, достаточно угрюмая.

Дальше. Готовы ли мы работать в режиме ориентации на максимальную экономическую отдачу. Вот этой фразой, я ее отсюда не вытаскала, знаете, для кого я написала? Я выступала для Минтранса. И когда Минтранс и сам господин Максим Соколов не доволен был моим выступлением, он мне сказал: «У нас все равно будут большие проекты». И я ему сказала: «Это какой же?». А он говорит: «Салехард. С Ямала до Енисея». Я ему задала неделикатный вопрос: «Что опять по Сталинским шпалам?». Они затихли, переварили, и сказали: «Если государство даст деньги – да». Я сказала: «Государство вам денег не даст». Владимир Климанов сказал святую формулу: «Денег нет». И на эту дурь, по Сталинским шпалам гнать железную дорогу, простите, я вам в первые года, когда приезжала сюда, сказала: «не будет железной дороги Уралпромышленного». Ура, ее нет, потому что дорога абсолютно убыточная. Поэтому здравый смысл иногда торжествует. Что я могу сказать, вот в левую сторону мы можем решить проблемы? Я не уверена, потому что это – политический институт. Как мы решаем проблемы неравномерности, а мы решаем, там где хуже, мы предлагаем поселить «богатеньких Буратин», чтобы они платили денюжки. Я всегда спрашивала, когда Валентина Ивановна эту идею озвучила: этого в Красноярск посадим, штаб-квартиру, этого посадим в Самару. Я сказала: «А какие критерии раздачи». Вы же понимаете, что кроме лоббизма, никаких критериев быть не может. Я понимаю, что вы остро хотите себе в Екатеринбург тоже кого-то. Но я могу сказать, вы живете в регионе, где концентрируются металлурги. Металлурги, не нефтянка и не газовики, они гораздо более привязаны к территории, хотя химичат с консолидированными группами налогоплательщиков все. Но, вы бы знали, как химичат нефтянка и газ. Вам и не снилось. Поэтому

у вас, хотя бы здесь, стабильность будет несколько больше. Поэтому не надо за счет штаб-квартир поднимать матушку Россию. Это неправильный инструмент. Льготы – малоуспешно, но я считаю, что это менее опасно, по сравнению с другими вещами.

И так, ключ - улучшение институтов. Теперь про города – последний мой сюжет, я постараюсь уложиться. И здесь первое – это мое извинение, к сожалению, я вынуждена вам показывать, в отличии, от того что я показывала, Древнюю Грецию, потому что, если вы посмотрите на сайте у нас (независимой соц. политики) – там висит полгода, сейчас я буду сдавать восемь-девять месяцев. Все это в мониторинге идет, буквально. Все, что касается городов (не регионов, а городов) – 13-ый год. Системно мы больше ничем не располагаем. И только первого января 15-го года, я могу начать считать что-то по 14-му году. Вот этот ужас нашей муниципальной статистики, он таков. Начнем тоже с теории. Что такое агломерационный эффект, как он работает. Вот очень все просто. Это реальные преимущества концентрации, которая создает более широкий выбор, больше выгоды, большее количество производителей и потребителей. Вот наша географическая добавка к этому. Что важно для развития города? Сам агломерационный эффект, человеческий капитал, который концентрируется в город, его географическое положение. Почему так трудно сравнивать города, географического положения очень плохо измеримо количественно, его унаследованное развитие, с какой специализацией он уже прошел свой исторический путь, институты? Институтов два базовых: статус этого города и качество управления его элит. Вот старая моя картинка, где Россию делю, правда, на четыре типа, но тут три плюс. Россия-1 – это большие города. Россия-2 – это города средние, индустриальные преимущественно, которых очень много на Урале. И Россия-3 – это периферия. Периферии два типа: это сельские и мало городские. Слово ПГТ на Урале должны знать все, поселок городского типа. Со всеми родовыми чертами и клеймами, и проблемами, свойственными таким поселкам. Я сюда ещё добавляю и малые города до 20-ти тысяч, они, честно говоря, немногим отличаются от этих поселков. Три части. Три примерно равные части страны, в которой мы живем. Давайте смотреть, что происходит в нашей стране. Здесь я уже буду бежать, чтобы не грузить конкретикой, но картинки все сделаны, посмотрите, пожалуйста – я покажу, что у нас с демо-ситуацией, с экономикой, с инвестициями, с жизнью. Может ли расти агломерация, в том числе агломерация Екатеринбурга, количественно? Вы просто увидите на простой статистике.

И так, что у нас происходит с людьми. Когда вы пишете, что Екатеринбург будет глобальным городом, глобальный город в полтора миллиона - это неплохо, но это город, который вряд ли будет расти. Пока он рос, и рос я покажу, за счет каких ресурсов. Вот посмотрите на фоне: вы, Новосибирск. Все очень неплохо. У остальных с темпами: у Уфы неплохо, у Казани неплохо, а у остальных гораздо хуже, кроме Краснодар. Воронеж – все понятно, тут люди опытные, как можно прыгнуть за один год? Прирезать к себе кусочек территории, правильно, ещё муниципалитет, другой пригородить, и так тоже можно. То есть Екатеринбург – стягивающий город. Второе, что у нас там с людьми, как они рожают и умирают. Здесь я не стала его искать, я потом покажу, но вы видите, здесь все крупные города с население свыше ста тысяч. Если вы думаете, что эти города позитивны демографически, мой ответ очень простой – меньше половины. По-честному, чтобы видно было – треть, все остальное почти теряли, или теряли «рождаемость минус смертность». А сейчас в связи с тем, что мы входим в новую демографическую ситуацию (уже вошли практически к 15-му). Сегодня было в докладе, очень порадовало: «У нас было записано в программе - рост численности населения, мы программу выполнили». А что вы скажете через три года, если миграция затормозится, она пока неплохая в Екатеринбурге, а мы входим сейчас в абсолютно объективную картинку, когда рожать начинает поколение 90-ых годов, а оно вот «такусенькое», а помирать начинает послевоенное поколение и 50-ых годов, а оно вот «такое». Это беби-бум послевоенный. И тут каких лозунгов не кидай, это

арифметика, это просто арифметика. И тут вряд ли что-то изменится. Теперь посмотрите про миграционные возможности, вот здесь Екатеринбург, во второй половине двухтысячных, был в плюсовой зоне, я имею в виду весь регион, то есть он не теряет население, но притягивали-то другие. Посмотрите, как классно притягивал Калининград, но снова за счет города. Новосибирск, Томск за счет вузов своих. Юга за счет теплого моря. Белгород за счет грамотной работы и политики по привлечению мигрантов. Ну, и без всяких глупостей, Москва с Московской областью и Санкт-Петербург с Ленинградской, этим вообще ничего не надо делать, оно там само едет. Теперь посмотрите миграционный прирост за последние два года, четырнадцатый я ещё не посчитала. Вы видите, что в Свердловской области опять плюс, вы держитесь в плюсах, это хорошая новость, это значит, что на фоне, конечно, не Тюменская область, понятно, что в Тюмень едут Ханты, едет Ямал, у вас таких преимуществ нет, но посмотрите – все-таки в плюсах. А теперь пошли по городам, кто как притягивает мигрантов. Я должна сказать, с извинениями, качество миграционной статистики по городам очень плохое. Вы видите эти ужимки, прыжки, это в основном за счет худшего качества. Но, в любом случае, вы видите, что Екатеринбург устойчиво привлекателен, за счет кого – за счет менее крупных городов, в первую очередь своего региона. Так работает российская миграция. Может кто-то приедет с ХМАО, но прежде всего за счет городов своего региона.

Вот теперь, как я вам обещала, соотношения естественного миграционного прироста. И здесь стрелка есть – Екатеринбург. Я вас поздравляю, у вас неплохо пока, у вас и миграция, и пока ещё небольшой, но естественный прирост работает в одну сторону. У города есть некий, очень плавный ресурс развития, никаких рывков, никаких массовых привлечений, но год за годом люди сюда едут. И это хорошая новость. Теперь посмотрите не столичные города, но тут я не стала искать, где тут сто тысячники уральские. Про Нижний Тагил, вообще ничего говорить не буду. И депопуляция ускоренная, и миграционный отток - ну не привлекательный он для людей. Все промышленные города испытывают миграционный отток. Все практически, кроме нефтегазовых северов, и то далеко уже не все. Кто из нестоличных городов, привлекательный в нашей стране? Пожалуйста, если вы левый угол посмотрите, кому видно, юг и московская агломерация. Практически все. Юг и Московская агломерация. Если мы посмотрим на возрастную структуру – вот наши города. Сто тысячники плюс. Зелененькие – пожилые, розовенькие – дети, и вот трудоспособные. Процентом 75 наших городов очень сильно постарели, а те, кто пока ещё молод – это либо северный Кавказ, либо севера (за счет миграции – севера, за счет рождаемости – северный Кавказ). Вот, мы в таких городах живем. Теперь смотрите, миллионники. Пока Екатеринбург, наряду с Уфой и Красноярском, один из лучших. Это очень хорошо. Это значит, молодняк подтягивается в город. Пользуйтесь вот этой возможностью развивать образовательные центры. Дальше, город привлекателен. Хотя, вы видите, разрывы не велики, но все-таки. Теперь про новую индустриализацию. Фактически, заявление новой индустриализации, которая немножко получилась в Калужской области, в Татарстане, в части Московской, в части Ленинградской областях. Это заявление на то, что вы ломаете тренд. Потому что тренд развития российских городов – это был экономический рост 11-ый – 13-ый. Вы видите, да. Этот тренд на сжатие индустриальных функций. Вот можно ли сломать тренд? Наверное, в отдельных местах можно. Можно ли его сломать по все стране, при существующих институтах? Не уверена. Посмотрите, пожалуйста, вы видите, душевой объем промышленного производства, как было в 11-ом, как стало в 13-ом, он почти везде сжался относительно среднероссийского, здесь все посчитано к среднему по России. Промышленный профиль экономики сжался в половине больших городов. Но покажите мне, пожалуйста, те инструменты, которыми вы поломаете тренд. Я бы очень хотела на них посмотреть. Это данность. Кто остался в плюсах, кто остался большой? Регионы экспортной экономики. Много в Свердловской области регионов экспортной экономики?

Черная металлургия – да, цветмет, медь – so-so. Черная металлургия - но простите, вы не Новолипецкий металлургический комбинат, и даже не Северсталь. Пропорция будет в сторону внутреннего спроса. Ну не 80 процентов на внутренний, но на две трети точно. Вот покажите мне, как произойдет эта новая индустриализация против тренда.

Следующий. Промышленные функции, а вот Екатеринбург, я его вытащила специально, по душовке – смотрите. Вы обратили внимание, что слово «Екатеринбург», напрямую к новой индустриализации не употреблялось? Там говорили про инжиниринговую зону, про что-то ещё, а вот новая индустриализация – это что-то вот в других городах. Правильно, потому что Екатеринбург в значительной мере утратил старую советскую индустриальную функцию. Захочет ли он взять новую, получится ли разместить там новую – если честно, у меня в отношении самого города большие вопросы. Зарплата слишком велика для массовых отраслей, и есть вопрос стоимости земли, имущества для отраслей, которые нуждаются в технологических площадках. Ну, вот я вам показываю, как хорошо Пермьякам, им и думать не надо. Они и на старой индустриализации проживут. Пыхтит их ПНОС и пыхтит, и все как-то, в общем, более-менее. У Екатеринбурга, если она получится, она получится раньше, чем у Перми. Так что это хорошая новость.

Теперь по торговым функциям, что очень важно. Вы знаете, как классно выглядит Екатеринбург. Это город с развитыми уже функциями розницы, и те ребята, которые потащили сюда торговые центры, их уже много и в пригородах, которые поставили эти большие гостиницы – они очень правильно все сделали. Город очень быстро, невероятно быстро для России растет, благодаря концентрации бизнесов и денег в регионе, их не вытащили все, как из нефтянки. Он очень быстро диверсифицировал функцию столичного города. Пройти за буквально десять лет путь от Уралмашевских, до вот того, что есть сейчас – это честь вам и хвала. Деньги сделали в Екатеринбурге очень много и достаточно быстро. Но это также означает, что Екатеринбург, как вы видите, он идет следом. Тюмень богатенькая, это «душовка» конечно. Это значит, что риски нового кризиса – это про вас. Сжатие платёжеспособного спроса – это про вас. Риски для сервисных отраслей – это тоже про вас. Я обратила внимание, что про новую индустриализацию – есть, а диверсификацию сервисных отраслей, как-то я не увидела. Не могу с этим согласиться. Теперь посмотрите не столичные города, где важна торговля. Вот сравните, это – столичный и не столичный. Шкала одна. Нет в нестоличных городах развитой альтернативы. Это означает, как не бьется Нижний Тагил, а вот эту вот часть, диверсифицирующую экономику ему просто объективно будет развивать сложнее. Размер города всегда имеет значение. Вот вам кривая, которая показывает, что чем больше численность, тем, как правило, выше скорректированный душевой оборот. Я специально выкинула Москву и Питер.

Теперь про деньги, про инвестиции. Что происходит в крупных городах. Это «душовка», с корректировкой на цены – зелененький вариант. И вот посмотрите, где сидит среднее по России, и ровно, да, должно быть здесь, ровно на средней по России сидит Екатеринбург. Но есть города с фантастическими инвестициями, тот же Сочи. Посмотрим, что с ними будет дальше. Но остальная масса российских городов инвестиционно лежит в очень плохой плоскости. Теперь по крупняку. Сравните себя с Краснодаром и почувствуйте разницу между югом и Уралом. И не потому, что это только олимпиада – честное слово, потому что это юг. Освоенность, плотность населения, развитость инфраструктуры, удобство для жизни, а дальше уже отмывка, отводка денег от Сочинского потока на себя любимого. Это дополнительно к объективным преимуществам. Поэтому, почему тут оказались в таком крутом виде пермяки – не спрашивайте. Про Казань могу сказать сразу – низкая стоимость жизни, хотя Казань и реально инвестирует больше. Но всё-таки Екатеринбург в хорошем положении относительно других.

Теперь про жилищный рынок. Вот меня недавно пытал девелопер в Самаре: «Я в строительстве

работаю, что мне делать?», я говорю: «Ложиться на дно, консервировать квалифицированный персонал и, снизив издержки до минимума, пытаться пережить этот период». Смотрим, что у нас происходит по вводу жилья. Если вы посмотрите на лидеров, вот они где: Краснодар, Тюмень, Ставрополь – вот левый ряд, эта куча городов Московской области. Вы видите, Екатеринбург в неплохом положении, а промышленные города – все в хвосте. У них с жилищным рынком сильно ничего не произойдет. У Екатеринбурга могут быть проблемы, но, опять же, по сравнению с Тюменью вы можете расслабиться.

Теперь по зарплате. Притягивает ли зарплата. Ну, вот здесь тоже «душовка» по 13-му году, где она большая, но Екатеринбург конкурентоспособен, потому что это город, по зарплатным характеристикам очень неплохо выглядящий. Вы обратили внимание, что из Екатеринбурга уезжают гораздо меньше в Москву и Питер, чем из Перми, например. Если вы имеете такие возможности сравнения. Тюмень вот в Москву особо не уезжает, Екатеринбург в Москву особо не уезжает, Самара, и так далее. Не говорю уже про более близкие города. Есть ресурс, есть запас прочности, есть какое-то количество рабочих мест с относительно высоким уровнем. Вот посмотрите, Екатеринбург после Москвы по «душовке» средней по России все-таки очень конкурентоспособен, и вы здесь на уровне Питера, хотя многие екатеринбуржцы – часть – обычно сибиряки, дальневосточники больше в Питер едут, но и в Екатеринбург тоже. То есть здесь у вас есть ресурс. Что происходит в динамике: если мы посмотрим по зарплате, то очень четко, посмотрите, если все города – то разница особо не меняется (неравенств по индексу Джини), как только мы вышибаем Москву и Санкт Петербург – вы видите что происходит. Неравенство сокращается. Это хорошо или плохо? Честно, для меня плохо, знаете почему? Конкуренция между городами. То есть получается, если ты выкидываешь Москву и Питер, у всех прочих более менее похоже. Так зачем тогда ехать в Екатеринбург, когда сразу надо пилить в Москву и Санкт-Петербург. Если вы посмотрите большие города, то там немножко иначе. Для больших городов, без Москвы и Петербурга, складывается, а Москва и Петербург их дифференцируют ещё сильнее. Но суть одна и та же.

Теперь про возможности агломерации. У меня есть такой детский набор индикаторов, получится агломерация расширения или нет. Смотрите, вы берете долю центрального города и тех городов, которые явно входят в его агломерационное пространство. Может я польстила Первоуральску, или я права, это часть уже агломерации или я польстила? Как вы думаете?

Комментарий из зала. Часть...

Зубаревич. Все, часть – этой характеристики мне достаточно. Вот смотрите, я слепила все явные агломерации и просчитала их долю в общем региональном. В численности, в работниках, в обрабатывающем производстве, в жилье, в торговле, в инвестициях. И мы четко можем разложить страну на компании. Вот Омску, Новосибирску и Самаре, в сочетании Новокуйбышевским, Тольятти уже ничего не светит – они все, что могли, себе в агломерацию уже сгребли, там надо просто связи увеличивать, делать нормальные сшивки внутри, чтобы уменьшить трения пространства. Есть те, у кого ещё все впереди. Уфа ещё будет переть в агломерационном развитии, потому что она пока ещё мало собрала. Краснодар будет переть впереди всех. Ростов тоже не исчерпал, Казань и у Красноярска ещё какие-то ресурсы есть, хотя там расселение гораздо более редко, но в основном это республики и юг. Екатеринбург в середине, но ближе к этим территориям. Я абсолютно уверена, что агломерация будет расширяться. Екатеринбург будет подтягивать людей, ресурсы дальше. У него есть еще потенциал. Это, наверное, вам понравится. А второе, вам не понравится точно, он будет делать это, в основном, за счет меньших городов Свердловской области. И вот этот процесс остановить невозможно. Это стадия урбанизации, которую сейчас проходит Свердловская область:

уменьшение, обезлюживание, потеря человеческого капитала. Вот это две стороны медали. Если мы честно это видим, мы для себя какую-то меру пытаемся понять.

Теперь два слайда, которые я уже показывала. Для меня это печальный слайд. Это означает, что что бы не пели про паровоз люди из мэрии, руки у них связаны абсолютно. Вот пока мы не разрубим этот гордиев узел сверхцентрализации всего и вся, на уровень субъекта регионально бюджета, не будут у нас нормально города развиваться. Ну, хоть вы тресните, когда нет полномочий и ресурсов, развиваться нормально нельзя. Но для этого нужна, обязательно, децентрализация из центра в регионы, из регионов в муниципалитеты. Но это я вам тоже показывала, просто здесь ближе, вы видите, как происходит. Эта картинка, я на ней настаиваю, она ключевая – децентрализация. Что по поводу рейтингов, которые сегодня показывали. Нет у нас в стране адекватных рейтингов. Вы хоть лопните, я считала рейтинг Human Development, вот этот рейтинг, тринадцать лет для программы развития ООН. Кстати, вы его написали в свой индикатор. Можно я скажу, что он с 12-го года не считается. Программа развития ООН ушла из России. Так, на всякий случай. Чтобы не вставляли, то, что вставлять, наверное, не нужно. И я завершаю тем, чем завершала. Вот этот последний слайд я оставляю. Барьеры, мобильность, конкуренция. Барьеры – это, прежде всего, институциональные, прежде всего институциональные.

Спасибо за внимание, я готова слушать ваши вопросы.

Казун. Уважаемые коллеги, поднимайте, пожалуйста, руки, представляетесь.

Вопрос из зала. Наталья Васильевна, вот если говорить (или продолжать) про наши конкурентные преимущества, или как говорят в бизнесе [unique selling proposition], то образованное население, просто как факт, насколько оно влияет в этих раскладах, и насколько мы можем это конкурентное преимущество улучшать, углублять, расширять?

Зубаревич. В чем-то да, в чем-то не очень. Пункт первый. С точки зрения качества образования, я, честно говоря, большого сдвига не вижу, объясню почему: это даже не столько высшая школа, хотя плохие вузы производят плохой человеческий капитал. Это, прежде всего, просто школа. Качество школьного образования ухудшается в России, это медицинский факт, с этим я не знаю, что с этим делать, но это так. Второе, у российского человеческого капитала есть один очень важный дефект, и одно очень важное преимущество. Преимущество в том, что он невероятно адаптивен, он может нестандартные решения, не бальные выходы находить. Дефект состоит в том, что к рутинному качественному труду он приспособлен плохо. Тоже правда. Рутинный, ежедневный, и умеет ещё работать без подстежки, задача поставлена – делает, это не очень по-нашему – у нас аврал, накачка и вперед. Поэтому, лучше – не уверена. Молодой человеческий капитал, на мой взгляд, точно слабее тридцати-тридцатипятилетних. Вот эти дети социализации двухтысячных, пальцы веером, с потреблением там все в порядке, с мотивацией – они понижены, с картиной мира в голове – иногда очень печально, а адекватная картина мира в голове, это часть твоих поведенческих решений. Поэтому пока я думаю, быстро не получится. Сможем, но мы же прошли гражданскую, мы потеряли столько всего, но как-то потом. Есть шанс. У меня нет иллюзий. По МГУ я могу вам сказать так, дифференциация выросла, в МГУ стали учиться те, кто по всем божеским нормам не мог там раньше учиться, ну не мог. Где платное образование, где ещё что. Но не бывает так. И учатся. И в то же время абсолютно остались дети, которые аналитики, умницы, которые в науке могут. У меня нет сложившегося мнения, но то, что мы сейчас потеряем в инвестициях. Мне очень не нравится ЕГЭ, но я понимаю, что должна быть технологизация. Мне очень не нравится постарение высшего преподавателя высшей школы. Но знаете, что мне больше всего не нравится – когда у нас что-то не получается, мы, очень часто, говорим очень простую

вещь: мы самые лучшие, просто другие дураки этого не понимают. Вот это мне не нравится больше всего. Просто мы самые лучшие, остальное не важно. Преподаватели моей кафедры говорят, не зная языков в своей массе. Не понимая, что происходит сейчас в современной пространственной науке. Советская школа районирования – лучшая школа в мире. Эти знания на века.

Вопрос из зала: Иванов Олег, Челябинск. Наталья Васильевна, прежде всего спасибо за интересный материал. У меня вот какой вопрос. Сегодня очень мало звучал термин – производительность труда, если он вообще звучал. Мы говорили о ВРП на душу населения, вы говорили и таблички были прекрасные, материал. Но, если посмотреть последние лет десять, если не больше, и сравнить темпы роста номинально численно заработной платы и ВРП на душу населения, то мы увидим, что рост заработной платы все более и более обгоняет темпы роста ВРП на душу населения. Вследствие этого, инфляция растет и все другие последствия. Что будет дальше?

Зубаревич. Смотрите в более долгой ретроспективе. ВРП российский упал чуть меньше чем 2 раза в начале 90-ых. Заработная плата упала 2,6-2,7 раза. Поэтому, фактически, до середины двухтысячных мы сравнивали более резкое падение зарплаты и более умеренное падение ВРП. Вот где-то в году 2004 мы вышли в то, что было, а дальше начался бум нефтяных цен. И за счет нашей ренты мы стали опережающе повышать. В кризис сейчас это уравнивается, потому что ВРП и падение в 2 раза меньше, чем падение заработной платы. Ну, гуляем вот так вот по Крещатику, то в одну сторону, то в другую. Но с вашей претензией я согласна, только у меня один вопрос. А как мы меряем среднюю, если мы понимаем, у нас одно в нефтегазе, другое в бюджетке.

Реплика. Статистика корректная

Зубаревич. То, что мы кушали не на заработанное, когда был пик нефтяной ренты – с этим вообще никто не спорит. А сейчас жизнь нам сказала нам: «Погуляли? Ну и хватит». Если мы сами не понимаем, то жизнь – она, как правило, учит. Раньше или позже.

Вопрос из зала: Ольга Шуркова, Екатеринбург, директор инновационной компании.

Наталья Васильевна, спасибо вам за поиск решений. Вы говорили о том, что нужно стремиться к разнообразию товаров, производству в регионах. В связи с тем, что у нас население сейчас очень закредитовано, очень сильно упала покупательская способность, доходы не растут, растут расходы и налоги. Мы получили следующую картинку: о том, что приток населения в торговые центры существенно падает (даже если взять, например, Горбушки двор), если раньше это было хорошее место торговли, то сейчас продавцов больше, чем покупателей. Эта ситуация складывается не только в Москве, но и в Екатеринбурге, и в других городах. Вот хотела спросить, что Вы думаете, как можно с этим бороться, что делать малым инновационным предприятиям, как развиваться в условиях падения платёжеспособности населения. Спасибо.

Зубаревич. надо развивать разнообразие, я показала, как работает имманентно, без наших с вами сил, вот сам по себе Perpetuum Mobile, механизм развития концентрации и разнообразия. Вот он работает так. Это называется агломерационный эффект, который двигает города. Мэр может быть никакой, а город все равно будет развиваться. Потому что это обух, который плетью не перешибается. Это то, что называется объективные факторы развития. По поводу ваших вопросов, двух. Один состоит в том, что доходы падают. Другой состоит в том, что делать малым инновационным предприятиям. Доходы падают и потребление не у малых инновационных.

Давайте разберемся с доходами и потреблением. Мы вышли на новый баланс, у нас зарплаты - минус девять, оборот розничной торговли – минус десять, соответственно доходы населения, сейчас где-то минус четыре-шесть, ну грубо – минус пять. Мы вышли на новый квивалибрум, то есть у нас на десять процентов потребление, на пять процентов доходу. Какую-то заначку надо иметь людям. Время-то непонятное. Вот так и будем сидеть. Поэтому, все эти торговые центры будут испытываться на прочность. И без всякой инновационности, малым торговым предприятиям придется гораздо более жестко, чем крупным сетям. У них жира нет, у них запаса прочности нет. А инновационные малые предприятия, ко всему этому безобразию не имеют равным счетом никакого отношения. Потому что я вообще не понимаю, что такое в России, сейчас, инновационные предприятия. Если они работают на внешние рынки и выползли, каким то образом, так у них «везуха» полная. Если они в валюте продают, а в рублях издержки, если они работают на внутренние рынки, покажите мне, кто у них покупает. Диагностика будет сугубо индивидуальна. Если они продают государству, может там какой-нибудь инновационный стингер, если такой водится, прибор ночного виденья. Значит, пока у бюджета деньги есть, пока не оттерли более толстые продавцы, всем же хочется кушать, все по-разному. Я вроде постаралась ответить.

Вопрос из зала: Рожков Алексей, аспирант Высшей школы экономики и менеджмента

Уральского федерального университета. В продолжение темы инновации, я хотел бы вам задать вопрос: как вы оцениваете вообще проект фонд «СКОЛКОВО», его эффективность, есть у вас какая-то статистика, скажем так, по вложениям и проектам, которые у нас развивает данный фонд. И второй вопрос. Как вы относитесь...

Зубаревич. На первый отвечу. Все бумажки по фонду «СКОЛКОВО» я оставила в гостинице, потому что я прибежала прямо с экспертного совета ВЭБ на самолет. Они очень хорошо себя пиарят. Отношение исходное было крайне септическим. Я всегда считала, концентрация в районе Москвы и так при ее потенциале, это – вытягивание всего, что можно из остальной территории страны. Потом до меня дошло, что люди, решившие так, были очень трезвыми людьми, они понимали, что в размере физической руки они ещё как-то могут проконтролировать процесс (у Шувалова дача под СКОЛКОВО). Если он уйдет куда-то далеко, то уже что вырастет, то вырастет. Решили рядом. Отдельные, наверняка, продукты есть, я не специалист, но верить в то, что СКОЛКОВО, с абсолютно особыми условиями развития, сможет стать для России тиражируемым проектом, я не могу. Ответила?

Рожков. Да, спасибо. И второй вопрос. Как вы относитесь к идее включить печатные станки? Вот сегодня говорили про монетарную политику. У нас в стране не хватает средств на проекты. Американцы, они очень свободно себя чувствуют. Им надо денег, они включили станки, напечатали.

Зубаревич. Да что вы говорите, это вы такой знаток, но вы же вроде из экономической, так, где преподавали высшей школы экономики

Рожков. Последняя тенденция, вольная экономическая... Были предложения уже включить станки и начать уже печатать валюту. Как вы относитесь к этой идее?

Зубаревич. Предложение: я предлагаю отделить нас от политики Американцев. То, как вы ее описываете, ну просто ни в какие рамки. Это абсолютно взвешенная, адекватная политика, после пузырей этих страшных с 2007-2008 годов. Вся остальная политика была более чем адекватной. И печатный – да эта страна, которая имеет резервную валюту, может себе такое позволить, но она

это делает в каких-то абсолютно понятных условиях. Ну, давайте, подключайте. Вам сколько лет, если не секрет?

Рожков. Чуть менее тридцати.

Зубаревич. Отлично, я в 91, 92, и далее по списку, все это очень хорошо помню. Давайте, пусть это будет Ваш личный опыт. А потом поговорим. Ну, иначе никак нельзя объяснить вашему поколению, что это такое. Вы, наверно, должны пройти через это сами. Потому что слова, слова наши, они для вас ничего не значат. Ну что теперь делать. Мы страдаем вместе с вами, но нам не привыкать, у нас уже опыт был, мы знаем что делать, а вы попробуйте. А потом мы поговорим.

Рожков. То есть вы отрицательно относитесь к такой идее, да, Наталья Васильевна?

Зубаревич. Включайте, включайте, не в чем себе не отказывайте.

Рожков. Спасибо за ответ.

Зубаревич. Ну как я могу комментировать вещи, которые для ученика экономической школы являются азбукой? Инфляция – это то, что бьет по бедным. Инфляция – то, что не решает проблем. Ну что я вам ещё могу сказать. Вы меня простите.

Реплика. Господина Глазьева дальше, он как работал страшилкой при правительстве, вот не будете делать, вот мы вам Глазьева выпустим. Как только выпустят Глазьева, я четко знаю, что я буду делать.

Реплика. Надо и закапывать, вот это вариант. И «окэшиваться» не в том, где нарисована Красноярская гидростанция. Ну, все ж понятно. Законы экономики отменить нельзя. Ни Глазьевых, ни печатанье денег.

Вопрос из зала: Мамяченков Владимир Николаевич, доктор наук Уральского федерального университета. Несколько лет назад, был я в Арабских Эмиратах и спросил у экскурсовода его мнение. Как они так достигли такой супер коммунистической жизни. Ответ был примерно такой. Помимо всего прочего, она мне сказала: «руководят этой страной, на мой взгляд, искренне желающие добра своему народу». Вот вопрос у меня такой. Понимаю, что тут почти на уровне эмоций конечно ответ может быть. Но, насколько сейчас именно коррупционная составляющая мешает развитию нашей экономики, в том числе региональной?

Зубаревич. Если бы все наши руководители были поколениями наследными шейхами, наверно, они были бы честнее, но у нас приходят в политику и уходят из нее, надо успеть заработать. Может, введем монархию? Можно попробовать. Ну что я могу ответить? И к вам все равно все перейдет, что ж с оборота и даже с прибыли подумаешь, тырить или нет. А здесь воровская эпоха, эпоха скорострела. Взял, урвал, схватил, отполз. Да, у нас проблемы, да у нас кормление. Исторически мы страна кормления, это правда. Как с этим бороться? Я не верю, что через расстрелы, или через наследственную монархию. Я верю в то, что через развитие гражданского общества, развития контроля снизу, развитие свободных медиа. Потому что история других стран показала, что это генеральный путь, а не наследственная монархия. И потом, там же мальчики все хорошие, они Оксфорды все заканчивали, они с языками. Что-то происходит, наверно, в голове, может в Оксфорд их всех отправить? Тоже попробовать можно. Ну, извините. Потому что это – вопрос моральный, выбрасывать все свои эмоции я морально не готова, остаётся только черный юмор. Это наша родина, сынок, ну все понятно...

Вопрос из зала: Дмитрий Потапов, Высшая школа экономики, Пермь. Подскажите, пожалуйста, вы несколько раз в рамках своего выступления упомянули, что в принципе в России, где регионы почти все одинаковые, единственным способом конкуренции является развитие институтов. Не кажется ли вам это лозунгом, и вообще, могут ли регионы автономно развивать институты и есть ли у вас примеры успешного развития региональных институтов?

Зубаревич. И да, и нет. Первое – только институты не спасают. Чиркунов не брал взяток, но географическое положение Пермского края, удаленность от путей... У него была достаточно вменяемая администрация, очень технократичная, но очень многие вещи были сделаны в правильном направлении. Вопрос в скорости, в жесткости продавливания, но управление, отчасти, было правильным во многих вещах. Но вы сидите у черта на куличках, у вас индустриальная экономика, у вас угрюмые лица людей на Мотовилихе. И вот как-то вот так. И у вас Калуга меньше сотни километров от Москвы. Приходит команда умных мальчиков. Артамонов берет их под крышу. Все мальчики с языками, все с бизнес школами, все умеют разговаривать с бизнесом. Так, все нормально. Но не сидит в восьмидесяти-ста от Москвы вот такого рынка сбыта с уже отстроенной инфраструктурой. Вопрос, пришли бы? Не очень. Поэтому и какое-то конкурентное преимущество, и институциональная модернизация. Это если мы говорим о регионе. Второе, что можно сделать внизу, когда сверху так, как есть. С одной стороны немного, с одной стороны. Потому что с силовиками работать в регионе, как вы понимаете, мягко говоря, не просто. И это все хорошо понимают. С другой стороны, что-то можно. Потому что тот же Босс, у которого, в общем, не получилось. Он ходил и кляузничал на таможенников в Калининградской области, и Беленинов хоть иногда что-то делал. Потому что это был полный беспредел. Если губернатор ходит и долбит – всё-таки, это дает хоть какой-то результат. Поэтому частично да. Но я бы сказала так, это вопрос команды и доверия. В России с этим большая напряженка на региональном уровне.

Вопрос из зала: Александр Задорожный, Znak.com. Наталья Васильевна, я, честно говоря, с печалью послушал все, что вы сказали о Екатеринбурге, потому что про старую индустрию все понятно, она нас не вытянет, по крайней мере, на фоне Китая. Про новую индустрию вы сами высказались достаточно скептически.

Зубаревич. Я разве какие-то приговоры произносила Екатеринбургу. Коллеги, ну правда, я сразу извиняюсь, я была не права.

Задорожный. Если говорить об инфраструктуре, то на шелковый путь какой-нибудь Китайский – тоже маловато надежды. Образование – не знаю, при всем уважении к Уральскому федеральному университету, может ли оно нас вытянуть. Торговля – о рисках торговли вы тоже высказались. Экология, природа – не знаю, у меня лично большой скепсис. Я прихожу к такому парадоксальному выводу, что может быть большим, или скажем, большим ресурсам для нас, для такого города, как конкретно Екатеринбург, является та самая вертикаль власти, которую вы критикуете. Может быть, как раз концентрация чиновничества, административного ресурса здесь в Екатеринбурге и является нашим, полпредство, региональные управления разных ведомств, министерств, и так далее – может это является на самом деле нашим административным ресурсом.

Зубаревич. Пункт первый: я вам пришлю график, где представлены соотношения федеральных и региональных чиновников в регионах, вы посмотрите, что вы как все, ничего особенного. Поэтому поводу ничего не скажу. А по первому вашему вопросу, по такой длинной-длинной панихиде по городу и области я скажу так: раз пошел черный юмор, я не молода, я уже не очень здорова, я,

наверное, уже ухудшаюсь как профессионал, мне, что, не жить? Я хочу жить, и я буду жить, и я буду развиваться, делать то, что я хочу, читать то, что я хочу, ездить, куда я хочу. Также и территории: да есть проблемы, есть дефекты, что-то умирает, рождается другое. Дети, внуки. Вот давайте без паники, если можно. Ну что ещё могу сказать, вот на философскую такую фразу, то, что все плохо. Могу ещё оптимистически сказать: а снизу могут постучать. Эта форма русского юмора всем хорошо известна.

Задорожный. ну, правда, и про золотой ключик, волшебный, вы тоже ничего не сказали.

Зубаревич. Эффект анализа, должна сказать: когда все уходит в моральную, эмоциональную сферу – это значит анализ был не вполне адекватен.

Вопрос из зала: Колесник Елена Анатольевна, ЧелГУ. У меня такой вопрос к вам, скажите, пожалуйста, как вы думаете, стоит ли вообще спасать моногорода? И если да, то как?

Зубаревич. Пункт первый. Спасти можно тонущего ребенка. Понятие «спасти моногород», его надо бы расшифровать, что вы под ним подразумеваете. Что значит спасать? А что такое умирание? Скажите, много вы знаете других городов, которые не моно, совсем не моно уже, которые вам тоже кажутся не способными к развитию. Их тоже будем спасать?

Колесник. Дело в том, что моногорода всегда имели несколько особый статус, начиная с момента их создания, некоторые дополнительные льготы они имеют.

Зубаревич. Ничего не имело. Текстильный моногород, что он имел, машиностроительный? Это у вас закрытые города что-то имели. Закрытых городов в России не так много. Все остальное что имело? Понимаете, вы начинаете смешивать в одну кучу очень разные вещи, это типично для мифологии моногородов. Первое, сколько их, второе, что они такое, третье, что в них происходит, четвертое, что с ними делать. И слово спасать, и ещё добавьте сюда чудное слово «переселять», ну да – 11 процентов городского населения России, а пупок не развяжется? Я можно опять скажу? Люди и города стареют функционально, они способны депопулировать, способны сжиматься и расширяться. И ваша задача работать не с городами, вы с ними ничего не сможете сделать, если по-взрослому. Ну, притащите, как в Тольятти притащили в технопарк производство игрушек на триста занятых. И всем показывают как альтернативное. Можно и так. Но суть состоит в том, что вы помогаете живущим там людям либо сохранить какой-то уровень жизни, пенсии, не порубка резкая бюджетной занятости – очень мягкое сжатие. Либо наделение землей там рядом, либо помощь людям, у которых нет перспектив, найти что-то другое для себя. Моногорода – это не про города, это про людей. Переселить вы их не можете. Вы даже город двадцать тысяч переселить не сможете. И причин две, не только отсутствие денег. Вторая причина, не меньше четверти живущих скажут: «а я никуда не поеду». Потому что человек не homo ecopoticus. Хватит петь песни про моногорода. Денег на их тотальную санацию нет, и не будет. Притащить туда бизнес вовсе не возможно. Инвестор туда приходит в очень таком сложном наборе обстоятельств не будет. Они будут сжиматься, они будут постепенно терять моно функцию. Ее потеряло уже много. Нет никаких трехсот моногородов, давно их уже полторы сотни осталось, ну 170 без ЗАТО. Тяжелейшая проблема индустриальной эпохи, простых решений этой проблемы не существует. Ответ генеральный. Помогите людям. Мы не можем вытащить инфраструктуру этих городов. У нас нет денег. Мы не [Рулх?], и мы не Германия.